

Миллиарду мужей грозит скорая отставка

Когда с Пенни полетела одежда, судья лишь вытаращился. Присяжные покачнулись и заерзали. Журналисты остолбенели. И хоть бы одна душа во всем зале пришла на помощь. Стенографист прилежно барабанил по клавишам, фиксируя каждое слово: «Кто-нибудь! Мне больно! Ради бога, остановите его!» Ловкие пальцы вывели: «Нет!» Затем последовала фонетическая транскрипция протяжного стона, кряхтения и визга, уступив место целому реестру криков о помощи.

Мужские пальцы выстучали: «Спасите!»

И добавили: «Прекратите!»

Будь в зале суда еще дамы, дела пошли бы иначе. Увы, Пенни оказалась в одиночестве. За последние несколько месяцев все женщины куда-то попрятались. В госучреждениях их теперь днем с огнем не сыщешь. Те, кто наблюдал за страданиями Пенни — судья, присяжные, зрители, — были сплошь мужчины. Этот мир принадлежал им.

Стенографист напечатал: «Умоляю!»

Через мгновение: «О нет! Только не сюда!»

Суетилась лишь Пенни. Сноровисто и бесцеремонно с нее сдернули слаксы до лодыжек, разодрали трусики, сделав тайное явным всякому, кто

отважился посмотреть. Силясь вырваться, она отбивалась локтями и коленками. Художники в первых рядах стремительными линиями фиксировали ее борьбу: развевающиеся обрывки белья, растрепанную шевелюру. Среди публики пошли вздыматься робкие руки с мобильниками, тайком нашелкивая кому фотосувенир, кому пару-тройку секунд живого видео. Надрывные вопли словно парализовали всех в округе, эхом отражаясь от молчаливых сводов. Кажалось, насилуют не одну женщину, а добрый десяток. Сотню. Весь мир визжал.

Она сопротивлялась. И не где-нибудь, а на свидетельской трибуне. Старалась сдвинуть ноги, выдавить из себя боль. Ее глаза шарили по залу в поисках встречного взгляда — ну хоть кто-нибудь! Какой-то мужчина напротив стиснул ладонями уши и зажмурился, побагровев при этом, как перепуганный мальчишка. Пенни обернулась к судье; тот сочувственно вздохнул, но так и не грохнул молотком, призывая к порядку. Судебный пристав потупился, бормоча что-то в прицепленный к лацкану микрофон. Стоя с пистолетом в кобуре, он переминался с ноги на ногу, нервно подергиваясь при каждом вопле.

Прочая публика чинно поглядывала на собственные часики или же демонстративно возилась с эсэмэсками, словно испытывала за Пенни неловкость. Тоже, нашла место орать да истекать кровью. Как будто в происходящем целиком и полностью повинна она сама.

Адвокаты съезжились в своих дорогуших полосатых костюмах, деловито шелестя бумагами. Даже ее бойфренд и тот сидел как приклеенный, только челюсть отвалилась. Кто-то, должно быть, додумался-таки вы-

звать «неотложку», потому что через несколько минут по центральному проходу засемили два санитары.

Всклипывая и царапаясь, Пенни изо всех сил старалась не потерять сознание. Если б только удалось подняться на ноги, если б удалось вырваться, она рискнула бы удрать. Спасти. В зале суда не протолкнуться, как в автобусе в час пик, но никто не схватил насильника, не оттащил его прочь. Зрители на стоячих местах лишь попятились — все до последнего человечка, — пока не уперлись в стенку.

Санитары продрались через толпу, и Пенни, хватывая воздух ртом как рыба, поначалу даже не разобралась, кто друг, а кто враг. Медики принялись ее успокаивать: дескать, ты в безопасности, самое страшное позади, — пока мокрая, трясущаяся Пенни билась в истерическом ознобе. Народ кругом затравленно озирался, не зная, куда прятать глаза со стыда.

Ее уложили на каталку; один из санитаров прикрыл дрожащее тело одеялом, подоткнул края; его напарник застегнул ремни. Судья наконец взялся за молоток, объявляя перерыв.

Тот, кто застегивал ремни, спросил:

— Нынешний год сказать можешь?

Горло Пенни саднило от крика, голос охрип, но год она назвала верно.

— А кто в президентах? — продолжал расспрашивать санитар.

Пенни чуть не выдала «Кларисса Хайнд», однако вовремя спохватилась. Хайнд давно покойница. Первая и единственная женщина — президент США приказала долго жить.

— Имя свое помнишь?

Оба санитары были, разумеется, мужчины.

— Пенни. Пенни Харриган.

Они так и ахнули. Профессионально непроницаемые физиономии на долю секунды расплылись в ухмылках.

— То-то я примечаю, вроде видал где-то! — бодро заметил первый медработник.

Второй защелкал пальцами: фу-ты, на языке вертится... Наконец из него вырвалось:

— Ты же это... ну та самая!.. Из журнала!

Первый выставил перст в сторону беспомощной девушки, прихваченной ремнями к каталке.

— Пенни Харриган, — заявил он прокурорским тоном. — «Доткомовская Золушка».

Санитары взяли за каталку. Толпа расступилась, пропуская их на выход.

— А тот чувак, которого ты бросила, он разве не самый богатый перец в мире? — вспомнив что-то, поинтересовался второй медик.

— Максвелл, — подсказал первый. — Линус Максвелл.

И, будто сам себе не веря, покрутил головой.

Мало того что Пенни прилюдно изнасиловали в суде и никто даже пальцем не шевельнул, так теперь и работники «неотложки» приняли ее за дуру набитую.

— Зря ты за него не пошла, — сокрушался первый всю дорогу до лечебницы. — Сейчас бы в золоте купалась...

Корнелиус Линус Максвелл. К. Линус Максвелл. За репутацию плейбоя «желтая пресса» окрестила его Вклинусом. Миллиардер, богатейший человек на свете.

Ее те же таблоиды нарекли «Доткомовской Золушкой». Пенни Харриган и Корни Максвелл. Они познакомились год назад. Будто вечность минула. Да-а, другие были времена. И мир другой.

Лучше.

За всю историю человечества женщинам не жилось вольготнее, чем в ту пору. И Пенни это знала.

Взрослея, она повторяла про себя словно мантру: «Никогда еще для женщин не было времени лучше».

Ее мир был воплощенным совершенством. Ну, плюс-минус. Не так давно она с отличием защитила диплом юриста, однако дважды провалила экзамен на прием в коллегиию адвокатов. Дважды! Не то чтобы это подорвало уверенность Пенни в своих силах, нет, но вот сама перспектива... Девушку не отпускала мысль, что после всех триумфальных побед феминисток не так уж велика заслуга стать очередной адвокатессой-карьеристкой. По крайней мере сейчас. В наши дни женщина-адвокат ничуть не более приметна, чем домохозяйка в пятидесятые. Пару поколений назад весь свет требовал бы от нее сидеть дома и растить детишек. Теперь женщине прямо-таки предписывается идти в юриспруденцию. Или в медицину. В ракетостроение. Как бы то ни было, выбор профессии предопределялся модой и текущими политическими веяниями, но отнюдь не самой Пенни.

Студенткой она всеми силами пыталась заслужить одобрение преподавателей кафедры гендерных исследований в Университете Небраски. Променяла родительские чаяния на догмы ученых мужей, однако ни те, ни другие не находили отклика в ее сердце.

Правда состояла в том, что Пенелопа Энн Харриган по-прежнему оставалась хорошей дочерью —

послушной, прилежной, — то бишь привыкшей жить по указке. Она всегда прислушивалась к советам людей постарше, но в душе мечтала о большем, нежели простое одобрение со стороны родных, а впоследствии и приемных родителей. При всем уважении к Симоне де Бовуар Пенни и не думала становиться третьей-волной-чего-то-там-такого. И пусть Белла Абцуг не обижается, но перспектива быть посткем-то тоже не прельщала. Какой смысл повторять достижения Сьюзен Энтони и Хелен Браун? Нет, ей хотелось большего выбора, чем домохозяйка либо адвокат. Мадонна либо шлюха. Тянуло на нечто особенное, без душкá, без нафталина Викторианской эпохи. Нечто такое, до чего даже самые оголтелые феминистки не додумались.

Вот ей и чудилось, что причиной провала на экзамене послужила эта подспудная тяга. В душе Пенни претила мысль заниматься юриспруденцией. Ее цели были списаны с лозунгов радикалисток вековой давности: ну как же, стать адвокатессой, соперничать с мужчинами на равных!.. А заимствованная цель — все равно что чужая ноша: тянет. С десятков миллионов женщин успели реализоваться в этой сфере. Нет уж, Пенни нужна собственная мечта, вопрос лишь в том, какая именно.

Выяснилось, что девочку-паиньку мечта обошла стороной; не явилась она и прилежной начетчице закоснелой идеологии университетской профессуры. Впрочем, Пенни находила утешение в мысли, что подобный кризис переживают все ее ровесницы. Коли свобода досталась им в наследство, они обязаны расширять границы во имя будущего поколения молодых женщин. Осваивать новые территории.

Ну а пока абсолютно новаторская, уникальная мечта не посетила ее прелестную головку, Пенни, стиснув зубы, преследовала старую: занимать низ пищевой цепочки в юридической конторе, бегать начальству за пончиками, таскать стулья для совещаний и параллельно готовиться к переэкзаменовке.

Даже сейчас, в двадцать пять, она опасалась, что момент-то, поди, упущен.

Пенни не привыкла доверять личным природным инстинктам и позывам, дико боялась, что так и не сумеет раскрыть в себе глубинные таланты и чутье. Свои особые дарования. Что вся жизнь будет растрачена на цели и амбиции с чужого плеча. Нет, ей хотелось власти, права хозяйничать — той примитивной, но необоримой силы, что стоит выше гендерных ролей. Мечталось о первородном волшебстве, которое древнее самой цивилизации.

Набираясь храбрости перед третьим экзаменом, Пенни устроилась в «Брум, Брум и Бриллштейн», престижнейшую манхэттенскую фирму. Взяли ее, конечно, не в совладельцы, зато и не младшим стажером. Да, порой приходилось бегать в «Старбакс», что размещался на первом этаже, за полудюжиной срочных латте и капучино из сои, но ведь не каждый же день, верно? Ну-у, иногда просили притащить пару-тройку стульев для серьезных переговоров — все равно ведь не стажер? Нет-нет, пусть Пенни Харриган и не была оперившимся адвокатом, ничтожной практиканткой ее точно не назовешь.

Рабочий день в конторе тянулся медленно, хотя случались и приятные неожиданности. Сегодня, к примеру, Пенни услышала гул, отраженный

башнями нижнего Манхэттена. Грохотал вертолет, приземлявшийся на небоскреб. На крышу вот этого самого здания, только шестьюдесятью семью этажами выше, доставили по-настоящему крупную шишку. Пенни стояла внизу, в вестибюле, нагруженная картонкой с полдюжиной горячих вентри-мокачино, и ждала лифта. Полированная сталь дверей отражала ее как есть. Не писаная красавица, конечно, но и не уродка. Не дылда, но и не пупс от горшка два вершка. Блестящие, ухоженные волосы каскадом ниспадают на плечи, обтянутые скромной, но со вкусом подобранной блузкой от «Брукс Бразерс».

Глаза карие. Большие и честные. А еще...

И тут ее безмятежное, чистенькое лицо — ни тебе прыщей, ни, слава богу, угрей — вдруг исчезло. Двери лифта распахнулись, и на девушку хлынула толпа здоровяков в одинаковых темно-синих пиджаках. Пиджаки двигались с агрессивной решимостью, словно на поле расчищали путь атакующей звезде американского футбола, локтями отжимая любопытствующую публику. Оттесненная в сторонку, Пенни вытянула шею, пытаясь разглядеть, из-за кого весь сыр-бор. В толпе взметнулись руки с мобильниками, нацелкивая фото и ведя съемку поверх чужих голов. За напирающей стеной из темно-синей саржи Пенни ничего не могла разобрать, однако стоило вскинуть глаза, как со всех экранчиков глядел знаменитый образ. Кругом жужжала и деловито попискивала электроника. Забормотали, зашуршали рации. С заднего плана донеслось сдавленное рыдание.

Женщина, запечатленная мириадами мобильных, вытирала щеки кружевным платочком, выма-

занным слезами пополам с тушью. Не узнать этого лица — даже за огромными солнечными очками — было невозможно. А если и оставались сомнения, они отпадали при виде ослепительного голубого сапфира, качавшегося в ложбинке идеально сформированной груди. Судя по тому, что читают в очередях на кассу в супермаркетах, этот изумительный, без единого изъяна камень считался крупнейшим в истории и весил порядка двухсот каратов. В свое время он украшал лебединые шеи египетских фараонш. Римских императриц. Русских цариц. «Спрашивается, из-за чего может рыдать обладательница эдакого сокровища?» — недоумевала Пенни.

Внезапно все встало на свои места: вертолет, некая мегазнаменитость, а теперь на выход спешит вот эта травмированная жизнью красотка. Плюс к тому сегодня в графике старших партнеров ее фирмы стояло снятие показаний. По крупному иску на алименты после гражданского брака.

— Алуэтта! Алуэтта! — вырвался из толпы мужской голос. — Вы его до сих пор любите?

— Примите его обратно? — подхватила какая-то женщина.

Толпа затаила дыхание, коллективно предвкушая ответ.

Плачущая красавица, запечатленная мобильниками со всех углов и ракурсов, вздернула изящный подбородок.

— Меня не выбросят как мусор!

В видеоискателях сотни камер дернулся ее подбородок.

— Максвелл — лучший любовник из всех, кого я знала...

Вопросы сыпались дождем, но охрана уже распахнула двери, ведущие на улицу, где у обочины дождался кортеж из лимузинов. Представление закончилось.

В центре этого ажиотажа стояла французская актриса Алуэтта д'Амбрози. Шестикратная призерша «Золотой пальмовой ветви». Четырехкратная оscarоноска.

Пенни сгорала от нетерпения списаться по электронке с родителями и сообщить им потрясающую новость. В этом и заключался один из плюсов работы на «Би-Би-Би»: тут разносить кофе куда лучше, чем торчать дома. Поди встретить настоящую кинозвезду в Небраске.

Кортеж скрылся за углом. Все заворуженно смотрели ему вслед, как вдруг Пенни услышала дружелюбный оклик:

— Эй, Омаха!

Голос принадлежал ее коллеге Моник. Та щелкала пальцами, пытаясь привлечь внимание подруги. На фоне Моник с ее кристалликами «Сваровски», наклеенными на фарфоровый лак маникюра, с ее длинными дредами, вплетенными бусинами и перьями Пенни сама себе показалась серым воробышком.

— Нет, ты видела! — зачастила она. — Это же Алуэтта д'Амбрози!

Моник протиснулась ближе.

— Слушай, Омаха, тебя на шестьдесят четвертом все обыскались. — Она ухватила Пенни за локоть и потащила к лифту. Стаканчики горячего кофе в картонке заходили ходуном, угрожая в любую секунду расплескаться. — Старикашка Бриллштейн

созвал большой военный совет, и им срочно нужны стулья.

Выходит, она угадала. Сегодня берут показания в деле «д'Амбрози против Максвелла». Все знали, что иск затеян из чистой вредности. Богатейший мужчина встречался с роскошной из женщин на протяжении ста тридцати шести дней. Пенни знала о романе в подробностях благодаря очередям в супермаркете. Нью-йоркские кассирши напоминают осенних мух: пока расплатишься за подтаявший пломбир, успеешь прочитать «Нэшнл инкуайер» от корки до корки. Если верить таблоидам, во время совместного отдыха на Фиджи мультимиллиардер подарил возлюбленной огромнейший сапфир. Ах, Фиджи, архипелаг мечты!.. А потом взял и разорвал отношения. Будь на их месте другая пара, на том бы все и кончилось, но за ними ведь наблюдал весь мир! Скорее чтобы сохранить лицо, уязвленная пассия потребовала пятьдесят миллионов долларов в качестве компенсации за моральный ущерб.

Не успели приятельницы шагнуть в лифт, как вслед раздалось:

— Эй, шельмочка!

Обе девушки обернулись как по команде — в их сторону спешил улыбающийся молодой человек в полосатой деловой «тройке». Лавируя среди народа в вестибюле, он уже подбегал к лифту.

— Меня обождите!

Ему оставалось всего ничего, когда Моник всерьез взялась за кнопку закрытия дверей. Посверкивая кристалликами на ноге, ее большой палец затрепетал, словно морзянкой отбивая сигнал бедствия. Впрочем, за полгода жизни в Нью-Йорке Пенни еще